
ТОМ 1. ПРОЕКТ «ИЗОЛЯТ»
Виктор Иванченко
18+

Виктор Иванченко

ТОМ 1. ПРОЕКТ «ИЗОЛЯТ»

https://litres.ru/74754407
SelfPub; 2026

Аннотация

Никакой магии и сверхспособностей. Только толща грунта, запах формалина, тяжелый разводной ключ и горький вкус охотничьего пороха на языке.

Обычный инженер Артём Воронов случайно вскрывает заваренный в семидесятых спец-сектор московского метро. Внутри люди каменеют на глазах, рассыпаясь известковой пылью. Выжив там, где не должен был, Артём теряет прежнюю жизнь и имя.

Теперь он Ликвидатор секретного Ведомства. Его задача — спускаться в герметичные круги советского ада и зачищать прорывы «до бетона». Впереди:

подземный бункер в тайге, захваченный разумной корневой сетью;

узел дальней связи, звонящий москвичам по проводам из живой плоти;

заброшенная бойня с пятиметровой слепой горой мяса.

Реальность трещит по швам. И единственный оберег от безумия — щепотка черного «дымняка», от которой горит желудок, но стынет кровь у монстров.

Содержание

Глава 1. Меловые люди 4
Конец ознакомительного фрагмента. 35

ТОМ 1. ПРОЕКТ «ИЗОЛЯТ»

Когда реальность гниет, ее выжигают до бетона

Глава 1. Меловые люди

Дрезина шла ровно, но как-то тяжело, со стуком поглощая люфт в старых карданных соединениях. На каждом стыке рельсов Артёма подбрасывало на жестком брезентовом сиденье, и этот ритмичный, тупой стук отдавался прямо в основание его черепа.

В туннелях перегона между «Полежаевской» и строящимся контуром пахло как всегда: влажным, застоявшимся древесным дегтем, перегретым машинным маслом от тяговых электродвигателей и сырой, тяжелой глиной, которая веками давила на чугунные сегменты тоннельного кольца. Обычный, почти родной запах для человека, который последние четыре года провел, ползая по кабельным коллекторам и вентиляционным шахтам Третьего контура. Гражданский обходчик четвертого разряда Артём Воронов, двадцать восемь лет, чистые легкие, синяя спецовка с выцветшим логотипом Мосинжстроя.

Напротив него, привалившись спиной к ящику с инструментами, дремал Семёныч. Его старая суконная куртка, густо пропитанная мазутом и махорочным дымом, казалась серой от налипшей бетонной пыли. В такт движению дрезины седая, давно не бритая челюсть мастера смешно отвисала, обнажая редкие желтые зубы, а из носа доносилось тихое свистящее сопение. На коленях у него лежал тяжелый, потертый до зеркального блеска разводной ключ — «четверка», с наваренной для рычага трубой. Семёныч никогда не оставлял его в инструментальной сумке.

— Семёныч, — позвал Артём, повышая голос, чтобы перекричать монотонный гул двигателя. — Семёныч, приехали почти. Подъем.

Старик вздрогнул, шумно втянул носом воздух и тут же закашлялся — густо, с хрипом, глубоко из бронхов. Он сплюнул на грязный дощатый пол дрезины серый комок слюны, вытер рот тыльной стороной ладони, на которой чернели въевшиеся под кожу полосы мазута, и уставился на Артёма мутными, слезящимися глазами.

— А? Что? — Семёныч поправил сбившийся брезентовый подшлемник. — Долбаный перегон... Опять вентиляцию в шестом секторе выбило? Я ж говорил этим умникам из управления: там обратный клапан закис еще весной. Конденсат рекой течет, щитки заливает, а они всё «график, график»...

— Не шестой, — Артём поправил лямку тяжелого бре-

зентового рюкзака, в котором глухо звякали измерительные приборы, манометр и пара банок с пластичной смазкой. — Нам ниже. Спец-сектор заброшенной ветки метростроя. Помнишь наряд? Снять показания с датчиков давления на законсервированном дренажном узле. Там автоматика со вчерашнего дня нули показывает. Начальство боится, что грунтовые воды прорвало.

Семёныч нахмурился, его лоб собрался в глубокие, грязные складки. Он полез в карман, выудил оттуда помятую пачку «Явы», щелкнул старой бензиновой зажигалкой. Густой, сизый дым тут же заполнил тесное пространство дрезины, смешиваясь с запахом сырости.

— Спец-сектор... — проворчал старик, затягиваясь так, что огонек сигареты с треском сожрал добрый сантиметр бумаги. — Помню я этот сектор. Его еще в конце семидесятых заварили. Намертво. Там щит проходческий шел к какому-то бункеру связи, да что-то не сошлось. То ли плывун поймали, то ли породу тяжелую. Нам туда соваться накой? Пускай бы стоял. От этих старых дыр вечно одни неприятности — то метан скопится, то крысы с собаку величиной.

— Платят за это по двойному тарифу, Семёныч, — спокойно ответил Артём, глядя, как мимо пролетают редкие, тусклые лампы туннельного освещения. — Два часа работы: вскрыть затвор, проверить манометр, заменить термопару, заварить обратно. И в пятницу ты на даче.

— Двойной-то двойной... — Семёныч сплюнул на рельсы

сквозь решетчатый борт дрезины. — Только нутро у меня не на месте, Тёма. Слышишь, как тихо?

Артём прислушался. Действительно, по мере того как дрезина уходила глубже в техническое ответвление, привычные звуки живого метро — далекий гул пассажирских составов, щелканье автоматических стрелок, вибрация огромных вентиляторов — начали затухать. Реальность сужалась до размеров этого бетонного мешка, пахнущего сырой землей и забытым железом.

Мотор дрезины чихнул, сбросил обороты. Водитель-транспортник, бледный парень в чистой оранжевой жилетке, обернулся к ним:— Мужики, дальше не повезу. Тут тупик, путевой сбрасыватель. Дальше пешком по кабельному коллектору. Я вас тут жду ровно три часа. Если не выйдете — докладываю диспетчеру и сваливаю. Мне за нахождение в закрытом контуре премию не выпишут, только схлопочу.

— Не ссы, малец, — Семёныч тяжело поднялся, опираясь на свой разводной ключ. — Мы быстро. Артёмка, бери сварочник портативный и баллон. Пошли, проведаем дедушку-метростроя.

Они спрыгнули с дрезины на грязный щебень между путями. Подошвы тяжелых рабочих ботинок Артёма с хрустом вонзились в мелкую крошку. Фонарь на его каске выбросил вперед плотный, белый луч, разрезая вековую темноту. Впереди, в тупиковом торце туннеля, из серой бетонной стены

торчал прямоугольный силуэт тяжелой гермодвери. Она была покрыта толстым, бурым слоем ржавчины, который местами отслаивался жирными хлопьями, а поперек штурвала наискось шла потемневшая от времени свинцовая пломба с выдавленным клеймом: *«МС-74. Объект 041»*.

От этой двери тянуло странным, неестественным холодом. Не просто подвальной прохладой, а мертвенным, иссушающим сквозняком, от которого во рту мгновенно появилось неприятное ощущение сухости, будто Артём только что лизнул кусок школьного мела.

Семёныч выкинул окурок, который с едва слышным шипением погас в луже мазута у подножия гермозатвора. Старик поудобнее перехватил свой разводной ключ-четверку и шагнул к ржавому штурвалу.

— Ну-ка, Тёма, подсвети ближе. Посмотрим, чем тут военные в семьдесят четвертом дышали.

Артём навел плотный луч налобного фонаря на центр стального полотна. В белом светодиодном свете бурые наплывы ржавчины казались почти черными, похожими на запекшуюся кровь. Свинцовая пломба, зажатая между витками стальной проволоки, тускло блеснула. Семёныч зацепил проволоку губками ключа, навалился всем своим немалым весом и резко рванул вниз.

Свинец сдался с сухим, коротким металлическим щелчком. Обрывок проволоки со звоном упал на бетон, а сама пломба покатилась по щебню.

— Теперь штурвал, — выдохнул Семёныч. Он накинул ключ на толстую ступицу колеса, уперся сапогами в рифленый порог двери и зарычал от напряжения. — Намертво прикипел, зараза... Артёмка, берись за трубу, вдвоем давай!

Артём перехватил наваренную на ключ трубу-удлинитель. Металл под его ладонями был ледяным, несмотря на душную атмосферу кабельного коллектора. Они синхронно налегли на рычаг. Внутри двери что-то натужно захрустело, будто ломались старые сухие кости. Ржавчина на стыках посыпалась вниз крупными чешуйками, обнажая изъеденный коррозией металл.

— Еще раз! И-и-раз! — скомандовал старик.

Штурвал со скрежетом стронулся с места на пару сантиметров. Звук был такой пронзительный, что Артём невольно стиснул зубы — этот визг ржавого железа ударил по нервам. Колесо провернулось на четверть оборота, затем еще на половину, понемногу освобождая скрытые в толще двери прижимные клинья. Изнутри, из глубоких пазов, повалила старая, слежавшаяся пыль.

На третьем обороте штурвал пошел легче, но из-под резинового уплотнителя двери вдруг раздался странный, нарастающий свист. Это не было обычным выравниванием давления, когда воздух с шипением заходит внутрь. Звук был сухим, шуршащим, словно кто-то с силой просеивал муку через огромное сито по ту сторону стены.

— Стой, Семёныч, — Артём инстинктивно отпрянул, но

старик уже сделал последнее, решающее усилие.

Тяжелая клиновая защелка с глухим ударом вышла из паза. Гермодверь, поддавшись внутреннему давлению, со страшным, тягучим скрипом петель приоткрылась сама — буквально на пару пальцев.

В ту же секунду им в лица ударил плотный, бьющий наотмашь поток воздуха.

Это не был сквозняк. Это был ледяной, абсолютно обезвоженный выдох, который мгновенно выжег всю влагу в радиусе метра. Артём не успел закрыть рот и сразу закашлялся: горло моментально сдавило, язык стал шершавым, как наждачная бумага, а губы покрылись мелкой коркой. Воздух нес в себе густой, удушливый запах пережженной извести, старого нафталина и чего-то еще — острого, минерального, от чего в носу закололо сотнями мелких иголок.

Вместе с этим выдохом из щели вырвалось белое облако. Мелкая, невесомая, неестественно сухая пыль, похожая на толченый мел, ровным слоем легла на спецовку Артёма, покрыла брезентовые рукава Семёныча и матовым налетом залепила стекло фонаря.

Старик, стоявший ближе всех к проему, замер. Его разводной ключ со стуком выпал из ослабевших пальцев и покатился по полу. Семёныч судорожно, со свистом втянул в себя этот известковый туман, схватился обеими руками за горло и издал глухой, хрипящий звук, будто в его легкие засыпали пригоршню сухого цемента.

Семёныч судорожно дернулся, его колена подкосились, и он тяжело рухнул на четвереньки прямо в ржавую крошку на полу. Белесое облако известковой пыли еще кружилось в луче фонаря, медленно оседая на его сгорбленную спину.

— Семёныч! — Артём бросился к мастеру, хватая его за плечи. — Дыши, слышишь? Выдыхай!

Но старик не мог. Из его груди вырывался только плотный, свистящий треск, будто внутри его бронхов ворочались сухие камни. Он широко раскрывал рот, хватая ртом воздух, но этот воздух не шел внутрь. Лицо Семёныча на глазах меняло цвет: привычный румянец курильщика и мазутная желтизна исчезли за секунды, сменившись жуткой, мертвенно-матовой бледностью.

Артём потянул его назад, прочь от приоткрытой гермодвери, из щели которой всё еще сочился этот иссушающий мертвый сквозняк. Ткань куртки Семёныча под пальцами Артёма показалась странно жесткой, накрахмаленной.

— Воды… — прохрипел Артём, оглядываясь на рюкзак, но то, что случилось дальше, заставило его оцепенеть.

Семёныч поднял голову, и в свете налобного фонаря Артём увидел его глаза. Слезная пленка, всегда покрывавшая мутные белки старика, исчезла. Глазные яблоки высохли мгновенно, став матовыми, как разбитые фарфоровые чашки. Веки не мигали — они просто не могли скользить по сухой роговице, и на краях глаз уже проступали мелкие, похожие на известь крупицы.

Старик судорожно потянулся рукой к своей шее, пытаясь расстегнуть ворот суконной куртки. Его пальцы, всегда гибкие и цепкие, двигались с трудом, со странным, деревянным усилием. Артём с ужасом заметил, что кожа на костяшках пальцев Семёныча лопнула — сухо, без единой капли крови. Из глубоких трещин, похожих на трещины в пересохшей глине, вместо красной сукровицы сыпался мелкий, серовато-белый порошок.

— Тё… ма… — звук, вырвавшийся из горла мастера, больше не был человеческим голосом.

Это был хруст. Сухой, страшный скрежет известняковых позвонков, трущихся друг о друга без единой капли смазки. Каждое движение его шеи отзывалось под кожей отчетливым щелканьем, будто там, внутри, мышцы и сухожилия стремительно превращались в ломкий, пористый гипс.

Мазутные полосы на его ладонях внезапно побелели, впитавшись в мгновенно погрубевшую кожу. Семёныч попытался опереться на левую руку, чтобы подняться, но запястье подвернулось с глухим, сухим надломом — без крика, без боли, просто с тихим звуком ломающегося мела. Из разорванного рукава на щебень посыпалась крупная известковая крошка.

Его грудная клетка сделала последний, судорожный вдох, расширилась и… застыла в этом положении. Кожа на лице натянулась так сильно, что губы лопнули и разошлись, обнажая сухие десны и зубы, покрытые плотным белым налетом.

Старик медленно, теряя равновесие, завалился на бок, сохраняя позу эмбриона, словно высеченная из известняка статуя, которую только что небрежно бросили на грязный пол метростроя.

Артём отполз назад, тяжело дыша через забитый известковой сухостью рот, чувствуя, как его собственные десны начинает невыносимо стягивать, а в глубине горла зарождается этот страшный, каменный хруст.

Артём рванул назад, отталкиваясь от бетонного пола обеими руками, словно пытаясь разорвать саму дистанцию между собой и тем, что только что было Семёнычем. Подошвы тяжелых ботинок скользили по жирному мазуту и щебню. Паника ослепила его, сузила обзор до крошечного пятна света от налобного фонаря, в котором застыла белая гипсовая фигура мастера с лопнувшими сухими пальцами.

Его левый ботинок зацепился за брошенный на полу разводной ключ-четверку.

Артём потерял равновесие. Мир вокруг него резко перевернулся. Вместо того чтобы упасть в кабельный коллектор в сторону дрезины, он по инерции завалился назад — прямо на приоткрытую створку ржавой гермодвери «Объекта 041».

Тяжелое стальное полотно под весом его тела с глухим, утробным скрежетом распахнулось шире. Артём влетел спиной в проем, больно ударившись лопаткой о косяк, и покатился кубарем вниз по крутому бетонному пандусу, ведущему куда-то вглубь заброшенного спец-сектора.

Луч его фонаря бешено заплясал по стенам, выхватывая куски кошмара:

Абсолютно сухой туннель, покрытый толстым, пористым слоем белого известкового налета, похожего на застывшую плесень.

Кабельные трассы, которые больше не гнулись, а свисали со сводов жесткими, обломанными сосульками из окаменевшего пластика.

Никаких следов влаги или жизни— ни единой капли конденсата, ни одной живой крысы. Только звенящая, мертвая тишина и удушливый, колючий воздух, от которого легкие внутри словно стягивало сухой леской.

Артём врезался бедром в какую-то опрокинутую железную вагонетку и наконец остановился. Налобный фонарь от удара моргнул, затрещал и переключился на тусклый, аварийный режим, едва рассеивающий кромешную тьму.

Наверху, в проеме, откуда он только что свалился, вдруг раздался резкий, бьющий по ушам звук. Глухой рев сирены заставил бетонные стены вздрогнуть. Сработали автоматические протоколы Ведомства, законсервированные здесь еще с советских времен на случай разгерметизации.

«Внимание. Зафиксировано падение давления в секторе 041. Запуск аварийного контура изоляции», — проскрипел из старого рупора под потолком механический, искаженный до неузнаваемости голос.

Тяжелая гермодверь наверху с нарастающим, гидравличе-

ским гулом поползла обратно в паз. Артём, превозмогая тупую боль в разбитом боку, рванулся вверх по пандусу, протягивая руку к сужающейся полоске света из коллектора, где осталась дрезина.

— Стой! Подожди! — хрипел он, но вместо голоса наружу вырывался лишь сухой, беззвучный шелест.

Гермозатвор со страшным, окончательным лязгом встал на место. Мощные стальные ригели с глухими ударами вошли в гнезда, намертво запечатывая Артёма внутри герметичного бетонного гроба. Путь назад был отрезан «до бетона».

Он остался один во тьме «ИЗОЛЯТа». В горле невыносимо першило, десны саднили от стягивающей сухости, а в ушах стоял отчетливый, едва слышный шорох — словно стены вокруг него медленно, по миллиметру, дышали известковой пылью.

Артём лежал на ледяном полу, прижавшись лбом к заваренной намертво гермодвери. С той стороны, сквозь многотонную сталь, доносился едва различимый, затухающий гул мотора — водитель дрезины, услышав сирену аварийного контура, трусливо сбежал, бросив ликвидаторов на произвол судьбы.

Сухость в горле становилась агрессивной. Она больше не была просто ощущением — она превратилась в физический объект, шершавый известковый ком, который разрастался в гортани, мешая делать вдохи. Каждый раз, когда Артём

сглатывал, его десны отзывались тупой, стягивающей болью, словно зубы пытались врасти в каменеющую челюсть.

Он включил ручной фонарь на максимальную мощность и медленно побрел вглубь туннеля, волоча за собой брезентовый рюкзак. Метров через пятьдесят кабельный коллектор расширился, переходя в подземный бункер — полукруглый технологический зал с рядами заржавевших приборных стоек.

Там, в самом центре зала, под косо висящим советским плафоном, сидел человек.

Это был старик в полуистлевшем белом лабораторном халате, наброшенном поверх форменного кителя Ведомства. Его фигура выглядела неестественно, жутко перекошенной, словно её создавали два разных, спорящих друг с другом скульптора.

Он застыл ровно наполовину из-за старой медицинской хитрости и чистой случайности. Его левая нога и левая рука были наглухо, до хруста запечатаны в матовый, монолитный гипсовый кокон — инфекция «Мел-041» сожрала эту часть тела полностью. Но правая сторона профессора была живой. Рука, покрытая старческими пигментными пятнами и глубокими морщинами, дрожала, а изорванный резиновый жгут на плече намертво перетягивал посиневшую кожу.

Профессор Коваль — Артём разглядел выцветший пластиковый бейдж на кармане халата — забаррикадировался

здесь несколько дней назад. Когда известковая пыль проникла в зал, он успел среагировать. Понимая, что инфекция распространяется по кровеносной системе, иссушая жидкости и превращая кальций в монолит, Коваль вколол себе ударную дозу концентрированного антикоагулянта (гепарина) из аварийной аптечки и наложил жесточайший артериальный жгут на правую сторону, буквально остановив кровоток в рабочей руке и сохранив её живой. А левую сторону, куда попали первые споры, он сознательно отдал на съедение аномалии, позволив ей окаменеть и прирасти к тяжелому стальному сейфу. Этот живой каменный замок не давал ему упасть.

Услышав шаги Артёма, полузастывший профессор медленно, с влажным хрипом повернул голову. Его левый глаз был абсолютно белым, фарфоровым, без зрачка, а веко намертво прилипло к иссушенному яблоку. Но правый глаз — живой, налитый кровью и безумием — бешено уставился на инженера.

— Живой… — выдохнул Коваль правым, несгоревшим уголком рта. Левая половина его губ была серой, каменной и неподвижной. Голос профессора звучал как жуткий дуэт: живой хрип перемежался со скрежетом крошащегося мела в глубине его каменеющей глотки. — Ты… из обходчиков? Рано. Затвор закрылся?

Артём подошел ближе, боясь сделать резкое движение. В правой руке профессора был зажат старый вороненый пистолет «ТТ». Ствол дрожал, но смотрел точно в грудь Артёму.

Из-под ногтей живой руки Коваля сочилась темная, почти черная от гепарина кровь — жгут слишком долго передавливал вены, и плоть уже начинала отмирать от гангрены, но это было единственным, что спасало его от превращения в мел.

Рядом на столе лежали разбросанные листы журналов, исписанные кривыми, рваными строчками. Прямо на полированном дереве стола профессор своей живой рукой, пачкая пальцы в собственной черной крови, выводил пугающие химические формулы и короткие, обрывистые фразы. Последняя строчка, еще не высохшая, гласила: *«Оно пьет воду. Оно строит из нас каркас»*.

— Профессор… — Артём выставил вперед пустые ладони, чувствуя, как его собственные десны покрываются сухой, шершавой коркой. — Мне нужен код. Как открыть внешний затвор? Система запустила изоляцию.

Коваль издал страшный, булькающий смешок, от которого его левое, гипсовое плечо издало сухой треск.

— Код?.. — правый глаз профессора расширился. — Кода нет, мальчик. Ведомство не оставляет кодов для мертвецов. Но здесь есть... автоматическая система кислотного сжижения. Если залить сектор ортофосфорной кислотой из резервуаров... «Мел» растворится. И ты вместе с ним. Но если успеешь добежать до дренажного коллектора В-12... шанс есть. Один на тысячу.

Он судорожно дернул правой рукой, и Артём заметил, что жгут на его плече лопнул. Старая советская резина не вы-

держала.

Оставшаяся в живых половина профессора мгновенно отреагировала на свежий приток крови: Коваль судорожно вдохнул, и Артём отчетливо услышал, как внутри его грудной клетки, с правой стороны, раздался быстрый, сухой хруст, словно кто-то ломал сотни сухих спичек. Белесая известь стремительно, как наступающий мороз на стекле, поползла по его шее вверх, к правому уху и правому, живому глазу.

Коваль судорожно дернул правой рукой, сбрасывая остатки лопнувшего резинового жгута. По его посиневшему предплечью вверх, прямо к запястью, побежала мутная белесая сетка — сосуды на глазах забивались плотной известковой взвесью, превращая живую, пульсирующую плоть в серый, пористый камень. Пальцы, сжимавшие вороненую рукоять «ТТ», начали непроизвольно сводиться судорогой, с треском ломая собственные суставы.

Профессор из последних сил выбросил руку вперед, буквально вбивая тяжелый, ледяной пистолет в грудь Артёма.

— Бери… — голос Коваля превратился в ужасающее, сиплое шуршание терки по мелу. Из правого уголка его рта вместо слюны высыпалась горстка сухого белого порошка. — В челюсть… Стреляй в челюсть, мальчик, пока кость не затвердела… Не дай мне стать частью этой дряни!

Артём машинально перехватил рукоять. Металл был скользким от черной, густой крови профессора, смешавшей-

ся с едкой известковой пылью. Пальцы Коваля еще секунду цеплялись за спусковую скобу, словно живые капканы, а затем с сухим, пугающим хрустом разжались — один из фаланговых суставов просто надломился, осыпавшись на пол мелкой белой крошкой.

— Код… от кислотного контура… — правый, последний живой глаз профессора стремительно затягивался мутной, фарфоровой пленкой. Зрачок сузился в точку и исчез. — Под журналом… Семь-четыре-девять… Дренаж В-двенадцать… Беги, парень…

Лицо Коваля дернулось в последней гримасе боли и вдруг застыло. Кожа на правой щеке натянулась, пошла мелкой паутиной глубоких сухих трещин и превратилась в монолитную маску. Старик больше не дышал. Он превратился в чудовищный, двухцветный памятник самому себе, намертво впаянный в стальной сейф.

Артём стоял, сжимая в трясущейся руке тяжелый пистолет. В голове гудело. В горле стоял невыносимый ком — сухой, колючий, словно он наглотался битого стекла и толченого мела. Десны горели, стягивая зубы так сильно, что челюсть сводило судорогой.

Он посмотрел на застывшего профессора. Просьба старика стучала в висках: *«Стреляй, пока не затвердел…»* Если оставить его так, эта тварь внутри бункера рано или поздно «разбудит» гипсовую оболочку, как разбудила тех, чьи следы виднелись в темных углах зала.

Артём поднял пистолет, упирая дуло точно под каменеющий подбородок Коваля, туда, где живая плоть еще не успела до конца слиться с известняком. Палец лег на тугой спуск.

— Прости.... — прохрипел Артём, не узнавая собственного, севшего от сухости голоса.

Он нажал на курок.

Грохот выстрела в замкнутом бетонном мешке ударил по ушам как удар кувалдой. Вспышка ослепила, а в воздух, смешиваясь с едким дымом сгоревшего пороха, взметнулось плотное белое облако известковой пыли. Голова профессора не разлетелась кровавыми брызгами — она раскололась с сухим, звонким треском, как пережженный глиняный горшок, осыпав плечи халата крупными кусками серого, пористого камня.

Артём отшатнулся, задыхаясь от кашля. И в этот момент случилось то, что навсегда изменило его жизнь.

Вместе с пороховыми газами от выстрела в его пересохший, стянутый известью рот попали несгоревшие крупицы пороха и едкая гарь. Язык обожгло невыносимой, металлической горечью селитры, желудок мгновенно скрутило спазмом обжигающей изжоги, но… страшный, каменеющий спазм в горле на секунду отступил. Колючая известковая корка на деснах словно зашипела, растворяясь в этом едком пороховом соке.

Артём тяжело задышал, глядя на пистолет в руке, а затем бросился к столу, сбрасывая на пол тяжелый лабораторный

журнал. Под ним, выцарапанная на дереве, горела цифра кода.

А из темных коридоров зала, разбуженный грохотом выстрела, уже доносился нарастающий, многоголосый сухой скрежет. «Меловые» шли на звук.

Звук выстрела затих, оставив после себя густой, звонкий гул в ушах и сизый пороховой туман, медленно оседающий на груду известковых обломков, оставшихся от головы Коваля.

В дальнем конце технологического зала, там, где ряды приборных стоек упирались в черный зев вентиляционного штрека, раздался звук. Это не были шаги. Это был тяжелый, скребущий шорох, словно кто-то волочил по бетонному полу мешок с битым кирпичом.

Артём замер, сжимая рукоять «ТТ» обеими руками. Луч его налобного фонаря, все еще работающего в тусклом аварийном режиме, дрогнул и выхватил из мрака силуэт.

Из темноты вышел человек. Вернее, то, что осталось от проходчика метростроя образца тысяча девятьсот семьдесят четвертого года.

На нем все еще висели истлевшие, задубевшие лохмотья старой брезентовой робы, намертво впаянные в его собственное тело. Одежда и плоть давно перестали быть отдельными вещами — серый, пористый известняк пророс сквозь ткань, превратив складки грубой материи в каменные ребра жесткости.

Существо двигалось ужасающе неправильно. В его суставах не осталось ни капли синовиальной жидкости, ни хрящей, ни связок. Каждый шаг сопровождался пронзительным, тошнотворным скрежетом, от которого у Артёма заныли зубы — бедренная кость с усилием проворачивалась в известковом тазовом гнезде, перемалывая саму себя в мелкую, летучую пыль. При каждом движении из щелей в его коленях и локтях сыпались белые струйки крошки, оставляя за ним четкий, пугающий след.

Луч фонаря скользнул выше, к лицу твари.

Глаз у него не было. На их месте зияли две глубокие, абсолютно сухие воронки, изъеденные пористыми известковыми наростами, похожими на застывшую пену или кораллы. Губы давно рассыпались, обнажив сплошной, монолитный оскал — зубы слились с челюстью в единую серую костяную пластину. Но самое страшное было в его грудной клетке.

Ребра проходчика разошлись в стороны, разорвав изнутри брезентовую куртку. Внутри пустой, высохшей грудины не было ни сердца, ни легких — только густое, спутанное переплетение тонких, как паутина, белых минеральных нитей, которые вибрировали и тихо шуршали при каждом его «вдохе», втягивая в себя остатки влаги из воздуха.

Монстр повернул голову в сторону Артёма. Шея хрустнула так громко, словно лопнула сухая ветка.

Он не видел инженера, но он *чувствовал* его. Для этой ходячей пустыни Артём был ходячим бурдюком с водой, теп-

лым, влажным источником жизни в этом мертвом, обезвоженном склепе. Тварь издала глухой, свистящий звук, похожий на сквозняк в печной трубе, и дернулась вперед.

Несмотря на кажущуюся хрупкость, скорость и сила этого каменного мешка были чудовищными. Существо не чувствовало боли, не знало усталости мышц. Оно просто бросило свое тяжелое, плотное как бетонный блок тело вперед, выбросив вперед руки с обломанными, острыми как ножи фалангами пальцев.

Артём не стал отступать. Спиной он уже упирался в тяжелый стальной сейф, к которому намертво прирос окаменевший профессор Коваль. Деваться было некуда, и паника, сковывавшая мышцы, в секунду сменилась ледяным, отчаянным инстинктом загнанного в угол зверя.

Когда серая, изъеденная известковыми наростами туша навалилась на него, выбрасывая вперед тяжелые, угловатые руки, Артём вскинул «ТТ» почти вплотную к раскрытой грудной клетке твари и дважды нажал на спуск.

Грохот выстрелов в замкнутом зале слился в один оглушительный удар. Вспышка ослепила, а в лицо инженеру тут же швырнуло плотное, обжигающее облако смешанного с известковой пылью дыма.

Пули пробили монолитную грудину проходчика с глухим, каменным треском — словно ударили кувалдой по шлакоблоку. Из пробоин брызнули фонтанчики серой крошки и белой пудры, разорвав в клочья паутину тонких минераль-

ных нитей внутри пустых ребер. Но тварь даже не сбавила шага. У нее не было болевого шока, не было сердца, которое можно остановить, и крови, которая могла бы вытечь.

Тяжелое, как мешок с цементом, плечо монстра с силой врезалось Артёму в грудь. Удар выбил весь воздух из легких. Инженер с грохотом отлетел в сторону, больно ударившись затылком о металлическую стойку с приборами. Пистолет выскользнул из онемевших пальцев и со звоном укатился под ржавый стеллаж.

Тварь развернулась с тошнотворным, сухим скрежетом позвонков, роняя из простреленной груди струйки мелкой белой пыли, и снова двинулась на него. Из ее пустых глазниц с тихим шипением потянулись тонкие белесые нити, ощупывая воздух в поисках тепла и влаги.

Артём, задыхаясь от режущей сухости в горле и тупой боли в ушибленных ребрах, шарил рукой по бетонному полу, пытаясь нащупать хоть что-то. Его пальцы наткнулись на холодную, шероховатую сталь — тяжелый разводной ключ с наваренной трубой, который он притащил сюда вместе с инструментом, когда еще не понимал, в какой ад спускается.

Когда каменные, острые как обломки шифера пальцы монстра уже сомкнулись на его брезентовой куртке на плече — ткань с сухим треском начала мгновенно дубеть и белеть в месте прикосновения, — Артём перехватил трубу обеими руками и с коротким, хриплым выдохом вложил весь вес своего тела в удар снизу вверх, целясь прямо в коленный

сустав твари.

Сталь с оглушительным звоном врезалась в пористый известняк.

Раздался громкий, сухой хруст, похожий на раскол ледяной глыбы. Лишенная эластичности, пересохшая бедренная кость не выдержала точечного удара. Колено твари разлетелось на крупные серые осколки, осыпав пол мелкой крошкой. Монстр потерял опору и с тяжелым, глухим грохотом рухнул на бетон, подняв вокруг себя густое облако удушливой белой пудры.

Не давая ему подняться, Артём вскочил на ноги, занес тяжелый ключ над головой и с остервенением обрушил его на каменный затылок твари. Еще раз. И еще. С каждым ударом под сталью с сухим треском крошился пористый известняк, пока голова бывшего проходчика не превратилась в груду мелких, безжизненных обломков.

Артём замер, тяжело опираясь на разводной ключ. Его грудь судорожно вздымалась, в висках бешено стучала кровь, а во рту стоял невыносимый, едкий привкус сгоревшего пороха и известковой пыли, от которого нестерпимо болело горло.

Артём судорожно вдохнул, но воздух в зале стал настолько плотным от поднятой в драке известковой пыли, что горло тут же обожгло новым спазмом. Сухость стягивала язык так сильно, словно он стал деревянным, а каждый вдох отдавался в бронхах тихим, колючим свистом.

Из черного подземного вентиляционного туннеля, откуда вышел первый проходчик, уже доносился новый звук. Теперь это был не одинокий шорох. Это был гулкий, нарастающий скрежет десятков каменных подошв, перестук сухих, лишенных плоти суставов и тихое, многоголосое шипение, похожее на шелест сухого тростника на ветру. Они шли плотной стеной.

Не выпуская из правой руки тяжелый разводной ключ, Артём рухнул на колени и сунул левую руку под нижнюю полку ржавого металлического стеллажа. Пальцы скребнули по шершавому, покрытому белой крошкой бетону и наконец наткнулись на холодную вороненую сталь.

Он вытянул «ТТ» из пыли, стряхнул с затвора мелкий известковый налет и сунул тяжелый пистолет за пояс спецовки, прижав его тугим брезентовым ремнем. Следом он метнулся к столу профессора Коваля, схватил с пола толстый лабораторный журнал с запекшимися черными пятнами крови и запихнул его за пазуху, прямо под робу. Бумага с сухим хрустом согнулась, но крепкий переплет удержал страницы.

В дальнем углу зала, за рядами мертвых приборных стоек, тускло светился красным глазом бронированный шкаф аварийной автоматики. Над ним на пожелтевшей эмалированной табличке чернела трафаретная надпись: *«КОНТУР ХИМИЧЕСКОЙ НЕЙТРАЛИЗАЦИИ. СЕКТОР 041»*.

Артём бросился туда, перепрыгивая через обломки окаменевших кабелей. Едва он добежал до шкафа, как из венти-

ляционного штрека в зал хлынула первая волна «меловых».

Их было не меньше десяти. Бывшие проходчики, инженеры в задубевших халатах, охранники с вросшими в каменные ладони кобурами. Они двигались рывками, ломаными, угловатыми силуэтами, скрежеща известняковыми суставами так громко, что у Артёма заложило уши. Белая пыль, поднимавшаяся от их шагов, заволокла зал густым удушливым туманом.

Артём рванул на себя тяжелую крышку аварийного пульта. Замок поддался с резким металлическим щелчком. Внутри, под толстым оргстеклом, светился ряд тугих механических кнопок и старый дисковый наборник, покрытый слоем сухой белой пудры.

Первая тварь — высокий рабочий с расколотым черепом, из которого вместо мозга торчали пучки белых минеральных нитей, — уже тянула к спине Артёма свои острые, каменные пальцы.

Но он не обернулся. Он с силой вжал первую кнопку: **Семь**. Металл щелкнул туго, со скрежетом.За спиной раздался тяжелый топот. Каменная ладонь с силой вцепилась в левое плечо спецовки Артёма, моментально превращая грубый брезент в хрупкую, задубевшую корку. Жгучий, ледяной холод ударил в кожу, мгновенно вытягивая влагу из мышц.

Артём взвыл сквозь стиснутые зубы и, не глядя, с размаху ударил назад тяжелым разводным ключом. Сталь врезa-

лась в известковую ключицу твари с громким треском. Рука монстра обломилась у самого плеча, но отрубленная кисть продолжала судорожно сжиматься на куртке инженера, впиваясь в кожу как тиски.

Свободной рукой Артём вбил вторую цифру: **Четыре**.

Твари окружили его полукольцом. В луч фонаря попали десятки пустых, изъеденных известковыми кораллами глазниц. Воздух вокруг стал настолько сухим, что у Артёма треснула нижняя губа, а на языке выступила густая, соленая капля крови, которая тут же начала сворачиваться в сухой комок.

Он замахнулся ключом, снося голову ближайшему монстру — она разлетелась фонтаном белой пудры, — и вбил последнюю цифру кода: **Девять**.

В глубине бронированного шкафа что-то гулко щелкнуло. Загорелась яркая, режущая глаза янтарная лампа, а из старого динамика над пультом раздался пронзительный, бьющий по нервам механический вой:

«ВНИМАНИЕ. АКТИВИРОВАН ПРОТОКОЛ КИСЛОТНОГО СЖИЖЕНИЯ. ВРЕМЯ ДО СБРОСА РЕАГЕНТА — ДВАДЦАТЬ СЕКУНД. ПЕРСОНАЛУ ПОКИНУТЬ КОНТУР».

Под потолком зала, вдоль всех бетонных сводов, с тяжелым гидравлическим лязгом открылись десятки форсунок. Из них с оглушительным, шипящим ревом ударили вниз плотные струи едкого, желтоватого тумана — концентриро-

ванной ортофосфорной кислоты.

Едва первые капли попали на ближайших «меловых», зал наполнился чудовищным, шипящим воем. Известняк вступил в бурную реакцию с кислотой: каменные тела монстров мгновенно запенились, покрываясь пузырящейся белой коркой, и начали с треском оседать, превращаясь в кипящую, зловонную жижу.

Артём сорвал с плеча задубевший лоскут куртки вместе с приросшей каменной кистью и бросился в противоположный конец зала, туда, где за ржавой решеткой виднелась узкая бетонный проход дренажного коллектора В-12. Едкий кислотный пар уже обжигал лицо и разъедал глаза.

Артём влетел в узкую горловину дренажного коллектора В-12 за секунду до того, как сзади обрушился основной поток реагента. В технологическом зале за его спиной ревела настоящая химическая буря: тысячи литров концентрированной кислоты заливали пол, с оглушительным шипением пожирая бетон, сталь и останки «меловых».

Инженер пригнулся и в спешке и побежал по мокрому, склизкому желобу коллектора. Бетонный свод давил прямо на каску, заставляя пригибать голову, а под ногами хлюпала густая, ржавая жижа. Но сейчас эта вонючая, сырая вода казалась Артёму спасением — она возвращала в воздух драгоценную влагу, смывая с кожи мертвенную известковую пыль.

Однако кислотный туман гнался за ним по пятам. Желтоватое, обжигающее облако ползло по трубе с низким, злове-

щим шипением.

Артём чувствовал, как едкие пары обжигают затылок и шею. Каждый вдох теперь приносил новую боль — вместо сухого, каменного удушья горло драла острая, химическая горечь, от которой слезились глаза и перехватывало дыхание. На левом плече, там, где каменная рука твари успела коснуться куртки, кожа горела огнем: грубая ткань превратилась в жесткую белую корку, которая при каждом движении царапала плечо до крови, оставляя на коже глубокий, сухой шрам — первую метку «ИЗОЛЯТа».

Впереди, в конце бесконечного бетонного коридора, мелькнул тусклый, холодный отсвет. Вертикальная холодная металлическая лестница уходила вверх, в темный колодец аварийного люка.

Задыхаясь, выплевывая горькую слюну, перемешанную с известковой крошкой, Артём вцепился в ледяные скобы лестницы и полез наверх. Руки скользили по мокрому железу, мышцы сводило судорогой от перенапряжения, а снизу, из пасти коллектора, уже тянуло ядовитым паром, который будто меловая пыль хотел оставить Артема в этом ужасе .

Над головой тяжело уперлась круглая чугунная крышка люка. Артём уперся в нее спиной, собрал остатки сил и с хриплым рычанием толкнул вверх. Металл со скрежетом поддался и отвалился в сторону.

В лицо ударил ледяной ночной воздух.

Артём вывалился из люка на мокрый, покрытый изморо-

зью асфальт какого-то закрытого технического двора в промзоне. Он жадно глотал холодный, влажный московский воздух, закашливаясь, сжимая в правой руке окровавленный разводной ключ, а за пазухой — измазанный черной кровью журнал профессора Коваля.

Он выжил. Он выбрался.

Но не успел Артём сделать и двух шагов, как из темноты вокруг вспыхнули ослепительные, бьющие по глазам лучи тактических фонарей. Визг тормозов разрезал тишину промзоны — к люку с двух сторон подлетели черные микроавтобусы без номеров.

— На землю! Лицом в асфальт! Руки за голову! — кричали сразу несколько искаженных через противогазы голосов.

Артёма сбили с ног профессионально, жестко, без лишних слов. Тяжелое колено в тактической защите вдавило его лопатки в ледяной асфальт, выбивая остатки воздуха из легких. Грубые руки в прорезиненных перчатках мгновенно вырвали у него разводной ключ, вытащили из-за пояса «ТТ» и извлекли из-под куртки журнал Коваля.

Вокруг суетились люди в глухих черных костюмах химзащиты с желтыми полосами на рукавах и пустыми, безликими буквами «В-ИЗОЛЯТ» на спинах. Один из них подошел ближе, присел на корточки и посветил Артёму прямо в глаза узким лучом фонарика, проверяя реакцию зрачков. Затем он провел по шее и губам инженера пластиковым тестером. Прибор тихо пискнул, мигнув зеленым индикатором.

— Чистый, — глухо произнес человек в противогазе, обращаясь к высокому мужчине в длинном черном плаще, стоявшему чуть поодаль у открытой двери микроавтобуса. — Надышался пылью, десны стянуты, но кристаллизация не пошла. Контур сработал штатно, сектор залили кислотой. Этот выжил.

Мужчина в плаще медленно подошел к лежащему на асфальте Артёму. Он не носил противогаза — только плотный медицинский респиратор, скрывающий нижнюю половину лица. Его холодные, серые глаза без малейшего сочувствия смотрели на дрожащего от холода и шока парня.

— Артём Сергеевич Воронов, двадцать восемь лет, обходчик четвертого разряда, — тихо, ровным голосом произнес он, словно читая приговор. — Сегодня в двадцать два сорок на перегоне произошел прорыв плывуна с выбросом метана. Бригада из двух человек погибла на месте. Тела не найдены.

Артём попытался поднять голову, но тяжелая рука оперативника тут же вдавила его щеку обратно в мокрый асфальт.

— Семёныч… — прохрипел Артём, чувствуя, как в горле все еще стоит невыносимая, сухая корка, от которой першит до слез. — Там… там люди… из камня…

— Там ничего не было, Воронов, — спокойно перебил мужчина в плаще. — И тебя больше нет. Твоя квартира опечатана, счета закрыты, в реестрах живых ты зачеркнут. У тебя есть два варианта: либо ты сейчас получаешь девять граммов свинца как случайный свидетель утечки, либо зав-

тра утром надеваешь форму и спускаешься на следующий объект. Ты единственный, кто вошел в «Мел» без защиты и вышел оттуда на своих ногах. Нам нужны такие живучие.

На лицо Артёма набросили плотный черный мешок, пахнущий хлоркой и резиной. Его рывком подняли на ноги и закинули в темный кузов микроавтобуса. Тяжелая дверь с глухим лязгом захлопнулась, отрезая его от прежней жизни навсегда.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.